

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Маслова О.В. Репрезентация фрейма «враг» в современных медиадискурсах России и Великобритании // Филология: научные исследования. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.1.72777 EDN: BRACFQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72777

Репрезентация фрейма «враг» в современных медиадискурсах России и Великобритании

Маслова Ольга Валерьевна

ORCID: 0000-0002-7915-914X

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных и русского языков; Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии - МВА им. К.И. Скрябина

117556, Россия, г. Москва, ул. Болотниковская, 7, корпус 1, кв. 19

✉ maslova-o-v-1@yandex.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.1.72777

EDN:

BRACFQ

Дата направления статьи в редакцию:

19-12-2024

Аннотация: Предметом исследования является феномен "враг" в медийных дискурсах русской и британской лингвокультур. Актуальность предмета исследования связана с усиленной конфронтацией в медиасреде, вызываемой обострением политической и экономической ситуаций мирового уровня. При этом возрастающую популярность обретает Интернет, наличие общего доступа к которому позволяет политикам многих государств все чаще его использовать как главное пространство информационного влияния на общественность. Цель исследования – описать и сравнить смысловые компоненты, которые определяют образ врага в двух анализируемых лингвокультурах, на материале использованных медийных текстов. Сравнительное описание исследуемого феномена в разных лингвокультурах позволяет его квалифицировать как культурно-детерминированный фрейм, проявляющий особенности мировоззрения в той национальной языковой среде, которая его применяет. В работе применялись такие исследовательские методы, как: сплошной выборки, концептуального анализа,

классификации и систематизации анализируемых языковых единиц на смысловые компоненты и сравнительно-сопоставительный метод. По результатам исследования, были выделены две группы компонентов, составляющих значения слова «враг» в анализируемых лингвокультурах, такие как: слот-компоненты, описывающие базовые оценочные черты, и терминалы, выражаемые определенными языковыми единицами в представляемой коммуникативной ситуации, которая упоминает данный феномен. Согласно наблюдениям, компоненты второй названной группы обуславливают первые. Выделенные слот-компоненты описываемого феномена проявили ряд субфреймов, определяющих предмет исследования по двум основополагающим факторам, таким как: базовые (проявляющие намерение и акт) и дополнительные. Последние указывают на различные способы оценки враждебного акта, включая следующие: правовой, моральный, эмоциональный или идеологический критерии. Полученные данные показали ряд общих (расцениваемых представителями обеих лингвокультур) и специфических (проявляющих оценку представителями одной из исследованных лингвокультур) компонентов изучаемого феномена.

Ключевые слова:

враг, аудитория, реципиент, фрейм, коммуникативная ситуация, субфрейм, медиаобраз, концепт, слот, терминал

Введение

Тема «враг» является одним из самых распространенных предметов коммуникации в истории СМИ, выполняя интегрирующую функцию для аудитории в условиях конфликта: «образ врага помогает сплотить массы против тех или иных государств или социальных групп» (К. Чернова. Мифология политики: зачем государствам нужен образ врага // Futurist, 2017.08.02); «образ внешнего врага способствует интеграции (негативной мобилизации) социума, особенно в условиях внутреннего конфликта. Например, позитивной мобилизации способствует общенациональная идея, общее созидание на благо общества. А когда этого нет – нужен враг» [\[1, с. 53\]](#). Другими словами, образ врага используется медиасредой как одно из ключевых средств для защиты интересов (или утверждения идей) одних социальных групп или государств в ущерб другим среди широкого круга аудитории. Ряд исследователей, такие как – С. Кин (Keen 1988), Р. Фьибиг-Вон Хэйс (Fiebig-Von Hase 1997), К. Р. Спиллмэнн и К. Спиллмэнн (Spillmann, Spillmann 1997) – определяют понятие «враг», функционирующее в медийном пространстве, по двум основополагающим чертам «они» и «мы», составляющим «внешнюю группу (их), которая зла ("an out-group (them), which is evil")» и «внутреннюю группу (нас), которая добра ("in-group (us), which is good")» (Яндекс. Перевод, 17.10.2023) [\[2, p. 19; 3, p. 11; 4, p. 51\]](#). В дополнение, С. Кин (Keen 1988), Р. Оттосен (Ottosen 1995), Р. Родригез (Rodriguez 2000) отмечают нижеследующие черты, указывающие на ущербное последствие исследуемого феномена: «угроза ("threat")» (Яндекс. Перевод, 17.10.2023) [\[2, p. 19; 5, p. 325\]](#) и «враждебный акт ("hostile act")» (Яндекс. Перевод, 17.10.2023) [\[6, p. 101\]](#): «Более важно то, что внешняя группа проблематична не только потому, что она сама по себе зла, но и потому, что подобное зло направлено против нас в виде угрозы ("More importantly, the out-group is not only problematic because they are evil in themselves, but because such evil is directed at us as a threat")» (Яндекс. Перевод, 17.10.2023) [\[2, p. 19\]](#); «Если внешнюю группу можно

успешно охарактеризовать как зло и угроза, то обычно у индивидуумов во внутренней группе к ней формируются гнев, негодование и ненависть ("If the out-group can successfully be characterized as evil and a threat, then anger, resentment and hatred toward them by individuals in the in-group are usually created")» (Яндекс. Перевод, 17.10.2023) [\[5, p. 325\]](#); «В результате, если ничего не предпринимать, то ожидается, что в будущем они совершат против нас враждебные акты ("As a result, if nothing is done, it is expected that they will commit hostile acts against us in the future")» (Яндекс. Перевод, 17.10.2023) [\[6, p. 101\]](#). На основании представленных описаний следует подчеркнуть, что реализация образа врага медиасредствами нацелена на инициирование чувства враждебности у реципиента (выступающего в роли зрителя, слушателя или читателя), которое вызвано осознанием опасности от анализируемого объекта.

В условиях существующего обострения политической и экономической ситуаций мирового уровня можно наблюдать усиленную конфронтацию в медиасреде, причем возрастающую популярность обретает Интернет, включающий многочисленные блоги и соцсети. Наличие общего доступа к данным ресурсам позволяет политикам многих государств все чаще их использовать как главное пространство информационного влияния на общественность.

Рассматриваемые выше факторы, усиливающие влияние медиасредств, составляют актуальность нашего исследования. Отметим, что к моменту выбора и применения медийного контента у реципиента сформирована определенная картина мира, включающая в себя набор представлений о существующей реальности, а именно: кто прав и виноват, заслуживающие положительной и отрицательной оценки, и, следовательно, кому стоит верить, а кому – нет. На данные предпосылки часто влияют такие факторы, как: особенности мировоззрения, образ мышления, условия жизни, культурно-ценностные ориентации человека.

Таким образом, при реализации феномена «враг» в медийном дискурсе необходимо принимать во внимание изначальные представления реципиентов об информируемом объекте. Речь идет о способах моделирования следующих базовых компонентов представляемого феномена в сознании аудитории, обладающей характерной картиной мира: «наличие явной оппозиции: «свои – чужие», «опасность, исходящая от чужих» и «необходимость принятия решительных мер» [\[7, с. 49\]](#). В этом отношении важно подчеркнуть такие прагматические функции объекта, описываемого медиасредствами, как: «формирование определенного видения мира», а также «осуществление контроля и регулирования общественным сознанием» [\[8\]](#).

Анализ предмета исследования в сравнительном аспекте разных лингвокультур (в частности, русской и британской) предполагает определение характерных форм интерпретации образа врага представителями рассматриваемых культур. Это позволяет нам квалифицировать исследуемый феномен как культурно-детерминированный фрейм, проявляющий особенности мировоззрения в той национальной языковой среде, которая его применяет. М. Минский (Минский 1978), описывающий понятие «фрейм» как «структуру» значений, составляющих конкретное слово в лингвокультуре, подчеркивает его существенную роль в моделировании и интерпретации определенной коммуникативной ситуации: «Человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), названный нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов. Фрейм является структурой данных для

представления стереотипной ситуации» [9, с. 7]. По замечанию Н. Н. Болдырева (Болдырев 2014), «Зная устройство фрейма, мы можем предугадывать заранее, что может встретиться в ситуации, которая закреплена во фрейме. Информация актуализируется, когда мы слышим или видим имя соответствующего концепта. Каждый терминальный узел может указывать на условия своего заполнения, которое нередко предстает в виде так называемого подфрейма, т. е. вложенного фрейма» [10, с. 19].

Другими словами, фрейм представляет набор структурированных знаний, накопленных представителями лингвокультуры об определенном объекте реальности, который обозначается словом. При этом каждое значение фреймовой структуры слова, именуемое «подфрейм», часто соотносится с той или иной коммуникативной ситуацией, упоминающей выражаемый объект.

Цель нашего исследования – описать и сравнить фреймовую структуру, составляющую феномен «враг» в русской и британской лингвокультурах, на материале медийных текстов.

Новизна исследования состоит в том, что в нем в-первые представлено системное описание значений рассматриваемого феномена, основанное на сравнительном анализе оценочных компонентов, применяемых медиасредствами двух изучаемых лингвокультур при моделировании фрейма «враг».

Материалы и методы исследования

Материалы исследования включали в себя три вида источников: во-первых, фрагменты статей, взятых из ряда российских («Дзен», «Газета», «Известия», «Коммерсант», «Жизнь», «Ведомости») и британских («Express», «The Daily Mail», «The Guardian», «The Harry Beavers», «The Sun») медийных источников, изданных за период 2022–2023 гг.; во-вторых, дефиниции толковых словарей, таких как: Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой (2006), Большой фразеологический словарь русского языка Л. В. Антоновой (2017), опубликованные в России, и Cambridge English Dictionary (2020), опубликованный в Великобритании, которые поясняли значения некоторых лексем, выделяемых при описании образа врага в рассматриваемых лингвокультурах; и, в-третьих, электронный переводчик, используемый на сайте Яндекс для перевода текстов, цитируемых из англоязычных источников, на русский язык.

При исследовании изучаемого феномена в медийных контекстах применялись следующие методы: сплошной выборки, концептуального анализа, классификации и систематизации, а также сравнительно-сопоставительный метод. Метод сплошной выборки предполагал отбор примеров, выражающих исследуемый образ, из использованных медийных текстов. Концептуальный анализ был нацелен на идентификацию языковых единиц, описывающих феномен «враг» в российских и британских медийных дискурсах. Метод классификации и систематизации анализируемых единиц позволил нам разделить определяемый феномен на ряд субфреймов, которые указывают на две группы факторов, обуславливающих значения слова «враг»: базовые (проявляющие намерение и акт) и дополнительные факторы, подчеркивающие определенный способ оценки враждебного акта. К числу последних относятся правовой, моральный, эмоциональный или идеологический критерии. Сравнительно-сопоставительный метод позволил нам выделить ряд общих (оцениваемых представителями двух изучаемых лингвокультур) и специфических (проявляющих оценку представителей одной из сравниваемых лингвокультур) значений описываемого феномена.

Общие теоретические подходы к определению медиаобраза

Согласно теоретическим исследованиям, объект, рассматриваемый в медийном дискурсе, часто обозначают терминами «медийный имидж» [11; 12, сс. 121-122; 13, с. 194; 15, с. 93], «медиаобраз» [14, с. 181; 16, с. 35; 18, с. 102], которые имеют разнообразные определения, описываемые с различных позиций.

Так, В. Я. Белобрагин и В. В. Белобрагин (Белобрагин, Белобрагин 2004), связывающие употребляемый термин «медийный имидж» с представлениями о мире в определенном обществе, отмечают следующие компоненты в основе изучаемого понятия: «стереотипный портрет», «идеализируемый образец», проявляющие особенности жизни как в конкретном обществе, так и в целом мире, включая идеальные ценности. При обеспечении медийной информации названные факторы ориентированы на такие цели, как: осознание аудиторией идеальных моделей поведения, применяемых в ряде областей: политической или экономической, в социальных взаимоотношениях, а также для достижения личных целей, например – в «карьере» или для «самовыражения»: «медийный имидж – это эмоционально окрашенный стереотипный портрет, идеализируемый образец элементов общества, объективного мира, идеальных структур, намеренно формируемых публичными деятелями в сознании индивидуума, группы и общественности для достижения политических, экономических, социальных результатов, знаний, личной карьеры и самовыражения» [11].

Ряд других исследователей (Зелянская 2014, Калинин 2015), анализирующие понятие «медийный имидж» в политическом контексте, определяют данный феномен по нижеследующим критериям: специфике «деятельности», «взглядов» [12, с. 121], «точки зрения» [13, с. 194] представляемого образа: «это – совокупное представление о всей его политической деятельности и взглядах, которое формируется в медиaprостранстве как ответная коммуникативная реакция медиасреды на активность той или иной политической фигуры» [12, сс. 121-122]; «Имиджевый политический текст обычно разъясняет общественности позиции или точки зрения субъекта политики. Через информирование создается позитивное суждение представителей целевой аудитории о субъекте политической деятельности, а также формируется мотивация к политическому обусловленному действию» [13, с. 194].

В. А. Уракова (Уракова 2016), оценивающая политического деятеля с позиции «лидера», обозначает его термином «медиаобраз», в основе которого выделяет такие описательные черты, обуславливаемые местом его функционирования и хронологией событий, как: «личность» реализуемого субъекта, сочетаемая с проявляемыми к ней «личностными установками» представителей медиасреды и «имиджем», формируемым в сознании аудитории: «Медиаобраз – это отражение политического лидера через каналы СМ И, коллективно создающееся журналистами с учетом их личностных установок, имеющее сходство с личностью политического лидера и его конструируемым имиджем, включающее пространственное окружение и временную последовательность событий. Таким образом, процесс формирования идет с трех сторон: аудитории, политической личности и самих СМИ» [14, с. 181].

Представленные выше описания предполагают, что образ, репрезентируемый медиасредствами, может выполнять как роль субъекта, осуществляющего влияние на аудиторию, так и объекта, интерпретируемого аудиторией с подачи медиасреды.

Нижеследующий ученый Л. В. Хочунская (Hochunskaya 2013), изучающая феномен

«медийный имидж ("media image")» в художественном дискурсе, отмечает такие свойственные ему компоненты, как: «видимый мир, подвергаемый интерпретации автора ("a visible world subject to interpretation by the author")», «мир медийного текста ("a media text world")» и «мир, воспринимаемый и интерпретируемый адресатом в соответствии с его/ее индивидуальными психологическими, интеллектуальными, возрастными и другими характеристиками ("a world perceived and interpreted by the addressee in accordance with his/her individual psychological, intellectual, age and other characteristics")» (Яндекс. Перевод, 29.10.2023) [\[15, p. 93\]](#). Другими словами, указанный автор описывает анализируемый феномен с трех позиций, таких как: 1) оценка автором представляемого объекта, 2) информация, обеспечиваемая по данному объекту и 3) оценка реципиента к воспринимаемому объекту, которую обуславливает ряд личностных и возрастных факторов.

При рассмотрении общих критериев в основе выделенных дефиниций изучаемого феномена необходимо представить модель Т. Г. Добросклонской (Добросклонская 2008), обеспечивающую массовую информацию по трем основным этапам: «медиаобраз (1) – медиатекст – медиаобраз (2)»: «отбор фактов, их освещение (или интерпретация), создание устойчивых образов, которые могут содержать оценочный компонент, формирование стереотипов за счет насыщения информационного пространства образами, влияние стереотипов на культурно-идеологический контекст страны. Этот процесс можно представить в виде формулы: «медиаобраз (1) – медиатекст – медиаобраз (2)» [\[16, с. 35\]](#).

Таким образом, понятие «медиаобраз» можем определять по следующим основополагающим характеристикам: 1) исходным чертам, предполагаемым у описываемого объекта до презентации в СМИ, 2) ряду признаков, выделяемых у объекта в процессе презентации в СМИ и 3) оценочному отношению, формируемому аудиторией к объекту после презентации в СМИ.

Стоит отметить, ряд других исследуемых ученых (Beller 2007, Ланцевская 2015) рассматривает тему образа с точки зрения локальной культуры, принадлежащей определенной нации, региону и т. д., которая обуславливает оценочные компоненты, выражаемые ее представителями к заданному объекту. Так, М. Беллер (Beller 2007), изучающий «национальные образы ("characters")» при помощи художественной литературы, указывает на такие задачи своих исследований, как: «описать происхождение, процесс и функцию национальных предубеждений и стереотипов, вынести их на поверхность, проанализировать их и обеспечить людей о них рациональной информацией ("to describe the origin, process and function of national prejudices and stereotypes, to bring them to the surface, analyse them and make people rationally aware of them")» (Яндекс. Перевод, 01.11.2023) [\[17, p. 11-12\]](#).

Н. Ю. Ланцевская (Ланцевская 2015), рассматривающая проблему влияния медийного образа на формирование территориального брэнда, выделяет нижеследующие компоненты определяемого понятия: «медиаобраз должен транслировать узнаваемый визуальный образ территории, слоган-позиционирование, культурные, природные, символические доминанты места и времени» [\[18, с. 102\]](#).

Другими словами, на формирование медиаобраза в локальной культуре влияют следующие характерные черты ее представителей: специфика мировоззрения (обуславливаемого предубеждениями, стереотипными представлениями о мире), языковой диалект, природная среда и ценностные представления (проявляемые,

например, в символических единицах).

Вслед за М. Беллер и Н. Ю. Ланцевской, мы будем использовать ключевой термин «(медиа)образ» при описании предмета нашего исследования в анализируемых лингвокультурах.

По результатам проведенных теоретических исследований важно подчеркнуть две группы компонентов, составляющих понятие «медиаобраз»: 1) универсальные (определяющие черты, свойственные представляемому объекту независимо от интерпретации других) и 2) оценочные (выражающие формы интерпретации анализируемого объекта как представителем медиасреды, так и его аудиторией) компоненты. При этом последние часто обуславливают такие факторы, как: целевая установка и личное отношение информатора к сообщаемому объекту с одной стороны и характерные черты аудитории с другой стороны, включающие возраст, особенности мировоззрения, условия жизни, культурно-ценностные ориентации.

Сравнительное описание образа в разных лингвокультурах предполагает идентификацию ряда оценочных форм, выражаемых к представляемому объекту в рассматриваемых культурах, которые преимущественно основываются на национальном мировоззрении их представителей.

Фреймовый подход к изучению образа

Отметим, что многие исследователи (например, Минский 1979; Кулаков 1979; Fillmore, Baker 2001; Попова, Стернин 2003; Алефиренко 2011 и др.), изучающие определенное понятие в рамках той или иной национальной лингвокультуры, применяют ключевой термин «фрейм» как базовый инструментальный, который определяет составляющие его значения, часто именуемые словом «концепты», по опыту познания описываемого объекта носителями того языка, в котором употребляется анализируемое понятие. В этом отношении, ряд вышеупомянутых авторов Ч. Д. Филмор и К. Ф. Бэйкер (Fillmore, Baker 2001) связывает понятие «фрейм» с набором «семантических знаний ("semantic knowledge")», образующих определенный концепт, выражаемый словом: «невозможно понять значение отдельного слова, не имея доступ ко всем существенным знаниям, которые связаны с этим словом <...> Таким образом, слово активирует или побуждает фрейм семантических знаний, связанных со специфическим концептом, который оно называет (или выделяет в семантической терминологии фрейма) ("one cannot understand the meaning of a single word without access to all the essential knowledge that relates to that word <...> Thus, a word activates, or evokes, a frame of semantic knowledge relating to the specific concept to which it refers (or highlights, in frame semantic terminology)")» (Яндекс. Перевод, 01.11.2023) [\[19\]](#). По определению З. Д. Поповой и И. А. Стернина (Попова, Стернин 2003), «фрейм – мыслимые в целостности его составных частей многокомпонентные концепты, объемные представления, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» [\[20, с. 7\]](#). Согласно последней представленной дефиниции, фрейм может включать в себя как один концепт, так и группу различных концептов с пересекающимися семантическими компонентами в одном слове.

Другие вышеуказанные исследователи (Минский 1979, Кулаков 1979, Алефиренко 2011), анализирующие рассматриваемое понятие как многоуровневую семантическую структуру, отмечают нижеследующие элементы, её составляющие: «субфреймы» [\[9, с. 8; 21, с. 7\]](#), «слоты», «терминалы» [\[9, с. 8; 22, с. 13\]](#). Так, М. Минский, Ф. М. Кулаков определяют применяемый термин «субфрейм» как отдельный концепт, составляющий один из

«иерархически» организованных семантических компонентов другого концепта, обозначаемого как «фрейм»: «Группы семантически близких фреймов объединяются в иерархически упорядоченную систему, которую образуют субфреймы (часть более крупного фрейма)» [9, с. 8]; «Субфреймы – это иерархически упорядоченные элементы, образующие системы фреймов» [21, с. 7]. В иерархически сформированной системе фреймовых значений М. Минский, Н. Ф. Алефиренко отмечают две дополнительные группы компонентов, такие как: «слоты» («верхнего уровня») и «терминалы» («нижнего уровня»): «Узлы верхних уровней (слоты) представляют собой более общие признаки, которые всегда справедливы в отношении предлагаемой ситуации. Они всегда четко определены, т.е. заполнены своими заданиями, конвенциональны. Узлы нижних уровней (терминалы) по большей части не заполнены своими заданиями, а снабжены заданиями-отсутствиями (заготовленные знания/сведения о деталях) и получают конкретное наполнение в процессе приспособления фрейма к определенной ситуации» [9, с. 8]; «Слоты – это облигаторные компоненты верхнего уровня структуры, они содержат концептуальную информацию интенсивного характера. Терминалы, компоненты нижнего уровня, содержат вариативную информацию, привязанную к той или иной коммуникативно-прагматической ситуации» [22, с. 13].

Другими словами, понятие «фрейм», описывающее объект реальности в лингвокультурном контексте, проявляет следующие типы компонентов в его основе: постоянные и вариативные. Первые (определяемые как «слоты») выражают общие оценочные черты обозначаемого объекта в определенной языковой среде; в свою очередь, компоненты второго названного типа (описываемые как «терминалы») представляют разнообразные языковые единицы, применяемые в той или иной коммуникативной ситуации при упоминании рассматриваемого объекта. Подчеркнем, что при формировании фреймовой структуры слова терминалы часто обуславливают слоты. Выделенные типы компонентов указывают на разнообразные значения слова, которое также может совмещать в себе значения других слов. Это позволяет исследователям разделять анализируемый фрейм на ряд субфреймов с общими семантическими компонентами.

Представленные выше факторы служат базовыми критериями в идентификации исследуемого нами образного типа в сравниваемых лингвокультурах. Далее речь пойдет о формах, вербализирующих семантические компоненты фреймовой структуры «враг» в медийных дискурсах России и Великобритании.

Результаты исследования

Исследованные примеры, описывающие образ врага в российском и британском медиапространствах, выявили разнообразные типы оценочных компонентов, моделирующих изучаемый феномен в двух анализируемых лингвокультурах.

Рассмотрим ряд фрагментов, заимствованных из текстов российских медийных источников.

*«В 2014-м пообещали "еврорай" в случае, если страна окончательно **отвернётся** от России. Тогда под **сладкие заверения** о перспективах евроинтеграции Украина **отказалась** от свободного рынка с Россией, а Европа её **"кинула"**, свой рынок так и не открыв и ничего не компенсировав. Но тогда Украина **бросилась с остервенением рвать связи с Россией, как потерявший голову наркоман-мазохист**»* (Д. Родионов. Афера тысячелетия: Как потоки вранья делают украинцев нерусскими //

Жизнь, 2022.07.07).

Главная черта, характеризующая врага (представляемого «Украиной» и «Европой») в вышеупомянутом контексте, подчеркивает склонность к отделению от своих союзников, на которую указывают следующие языковые единицы: **отвернется, отказалась, бросилась с остервенением рвать связи** (проявляющие действия Украины к России) и **кинула** (описывающая действие Европы по отношению к Украине). Другую черту, отмечаемую в рассматриваемом враждебном поведении, представляет заманчивое предложение, выражаемое Европой к Украине при помощи словосочетания **сладкие заверения**. Другими словами, описываемый текст выделяет такую базовую черту анализируемых враждебных образов, как: склонность к предательству.

В дополнение, автор применяет ряд эмоционально-оценочных единиц, подчеркивающих негативное отношение к рассматриваемым объектам, именно: **бросилась с остервенением рвать связи как потерявший голову наркоман-мазохист** (в отношении Украины) и **сладкие** (определяющая действия Европы). Названные оценочные формы анализируют реализуемые акты по нижеследующим характерным чертам: поспешности (описывающей первый в сравнении с недостаточным проявлением разума) и обману (определяющему второй указанный акт).

*«В своем выступлении Сергей Лавров подчеркнул, что именно курс НАТО на **безоглядное расширение растоптал и обесценил** принципы ОБСЕ. Министр отметил, что сейчас альянс передвигает линию обороны всё дальше на восток. «Учитывая ту риторику, которая звучит из Вашингтона, Брюсселя, Австралии, Канады, Лондона, Южно-Китайское море сейчас становится одним из тех регионов, где натовцы не прочь, как они когда-то сделали на Украине, **нагнетать напряженность**», — указал глава МИД РФ (М. Васильева. Русских хотят держать вне Европы // Известия, 2022.12.01).*

Представленный контекст расценивает поведение врага (роль которого выполняет «НАТО») по намерению расширить свою диктаторскую позицию (в частности, в «регионе Южно-Китайского моря»), выражаемую словосочетанием **безоглядное расширение**. Данное намерение реализуется при помощи акта **нагнетания напряженности**, который предполагает вмешательство во внутренние дела упомянутого региона. Оценка описываемой формы поведения усиливается за счет нижеследующих лексем, подчеркивающих нарушение закона анализируемым объектом: **растоптал и обесценил принципы ОБСЕ** (организации по безопасности и совету Европы).

Ряд других примеров, выделенных из российских медийных источников, описывает исследуемый образный тип с идеологических позиций, например:

*«Разве мог кто тогда представить себе, что считавшаяся тогда жуткой, маргинальной **бандеровская идеология** станет господствующей, что **русский язык начнут запрещать, что начнут переписывать историю, отменять празднование 9 Мая и сажать** за советскую символику? Что всем несогласным предложат убраться в Россию, а тех, кто этого не сделает, будут **обстреливать из артиллерии и сжигать** заживо?» (М. Родионов. Это – наши исторические территории // Газета, 2023.01.19);*

*«Защищают от **неонацистов** и от **террористов** — таких, которые восемь лет **мучили и убивали** людей на Донбассе, таких, которые в Москве убили Дарью Дугину, таких, которые сегодня совершили очередной **террористический акт**, очередное **преступление: проникли на приграничную территорию и открыли огонь по гражданским лицам**, — заявил Владимир Путин <...> По его словам, именно такие люди ставят перед собой задачу **лишить Россию исторической памяти и традиций**» (Л.*

Лежнева. Ничего у них не получится, мы их дождем // Известия, 2023.03.23).

Выделенные выше тексты, подчеркивающие ориентацию Украины против взаимодействия с Россией, отмечают два вида идеологии, которых придерживается правительство представляемого государства: **бандеровская и неонацистская**. Применение подобных идей, главным образом, нацелено на дискредитацию национального образа России, реализуемую за счет нижеследующих актов, устраняющих свойственные ей ценности: **запрет русского языка, переписывание истории, отмена празднования 9 Мая и лишение России исторической памяти и традиций**. В дополнение, описываемые идеологии проявляют ряд других актов, подчеркивающих: во-первых, насильственное воздействие: **сажать** или **мучить**; во-вторых, физическое уничтожение другого: **убивать** (включая процессы **обстрела, сжигания**); в-третьих, вторжение на чужую территорию, выражаемое словосочетанием **проникли на приграничную территорию**; и, в-четвертых, **террористический акт**, расцениваемый как **преступление** против «гражданского» населения: **открыли огонь по гражданским лицам**.

Нижеследующий текст описывает приверженцев рассматриваемых выше идеологий как **предателей** по отношению к их государству-союзнику (России):

*«Ничто не может быть оправданием сотрудничества с нацистами и с фашистами. Ничего. Это все прикрытие. На самом деле они **предатели** и нацисты», — заявил он [Путин]. Он также напомнил, что во многих странах мира, в частности на Украине и в странах Балтии, происходит героизация нацизма. «Там же эсэсовцы ежегодно маршируют, открыто, под прикрытием местных правоохранительных органов. Это бывшие бойцы подразделений СС», — заявил он» (М. Родионов. Это – наши исторические территории // Газета, 2023.01.19).*

Здесь образ врага репрезентируют не только правительства, но и другая группа людей («бывшие бойцы подразделения СС») враждебных государств, таких как: «Украина» и «страны Балтии».

Вот ряд других примеров, описывающих феномен «враг» в российских медиасредствах.

*«Запад **играл на жизни людей «краплеными картами»**, заявил 21 февраля президент России Владимир Путин во время послания Федеральному собранию. «Все то время, когда пылал Донбасс, лилась кровь, Россия искренне, именно искренне стремилась к мирному решению, они играли на жизнях людей, как говорят в известных кругах, краплеными картами», — сказал президент. Более того, по словам российского лидера, так же Запад относится к жизням собственных граждан, строя свою политику на **лжи и беспринципности** <...> На это указывает и тот факт, что США и НАТО ответили отказом на гарантии безопасности, предложенные Россией, объяснил президент. Таким образом западные правительства открыто отвергли инициативу в создании безопасного пространства в мире» (Д. Филимонов. Путин: Запад на Украине "играл краплеными картами" // Коммерсант, 2023.02.21).*

Фразеологическая единица **играть краплеными картами**, определяемая как «совершать нечестный поступок» [\[23\]](#), указывает на нарушение моральной нормы в основе анализируемой формы поведения представляемых образов («США» и «НАТО») в вышеупомянутом контексте, которые нарушили условие мирного взаимодействия: «отвергли инициативу в создании безопасного пространства в мире». Названный оценочный критерий, подчеркивающий склонность к обману, подтверждает нижеследующая лексема **ложь**, обозначающая «намеренное искажение истины» [\[24\]](#).

При этом дополнительно применяемое слово **беспринципность** описывает анализируемое поведение как нарушающее правило социального взаимодействия: «несоблюдение каких-либо принципов, убеждений» [24].

*«Спецоперация России на Украине началась 24 февраля 2022 г. В ответ США, Канада, Великобритания, Япония и страны ЕС **ввели** масштабные **санкции** против РФ, которые затронули многие сектора экономики, в том числе энергетику, высокотехнологический сектор, авиацию, банковскую отрасль, горнодобывающую отрасль, автомобилестроение и др.*

*Российские власти неоднократно указывали на **нелегитимность** санкций и говорили об угрозе из-за введенных ограничений для мировой экономики» (С.Шойгу. Запад задействовал против России военный потенциал почти всех стран НАТО // Ведомости, 2023.04.28).*

Представленный выше текст характеризует враждебные образы, репрезентируемые рядом государств («США», «Канадой», «Великобританией», «Японией» и «странами ЕС»), по такому акту, направленному против экономики государства-противника (в роли «РФ»), как: **введение санкций**. Описательная единица **санкция**, применяемая в данном контексте, имеет следующее определение: «определенная мера воздействия, наказания по отношению к провинившейся стороне» [24]. Другими словами, выделяемая черта враждебного поведения указывает на насильственные меры, ограничивающие экономическую деятельность России. При этом оценку описываемой формы поведения дополняет лексема **нелегитимность**, предполагающая причинение потенциального ущерба: «угроза для мировой экономики». В этом отношении, отмечаемая черта, определяемая как «несоответствие законам, действующим в данном государстве» [24], описывает представляемый акт с правовой точки зрения.

*«Напряженной остается ситуация в Грайворонском районе Белгородской области, часть которого была **захвачена** вчера украинскими оккупантами <...> В Белгороде по меньшей мере два взрыва. Предварительно, беспилотниками **атакованы** отделы МВД и УФСБ» (Ю. Котенок. Белгородскую область продолжают защищать от украинских оккупантов // Дзен, 2023.05.22).*

Вышеупомянутый текст расценивает образ врага, представляемого «украинскими оккупантами», при помощи следующих лексем, выражающих акт вторжения на чужую территорию: **захвачена** и **атакованы**.

Нижеследующие примеры представляют языковые единицы, реализующие феномен «враг» в медийном пространстве Великобритании.

*«The average gain of Russian forces in Popansa, south of Sievierodonetsk, has "averaged between 500m and 1 kilometre" a day in the last month, the official added, meaning **capturing** the remainder of the Donetsk region in the Donbas would take months more at least <...> The mountain community suffers daily from enemy **shelling**, the occupiers level the settlements with artillery and aircraft. The hottest in Toshkivka and Zolote, **orcs** (a slang term for Russian forces) deliberately roam the high-rises' ("В среднем, в течение последнего месяца прирост российских войск в Попасном, на юге Северодонецка, составляет от 500 метров до 1 километра в день' – добавил чиновник, подразумевая, что **захват** остальной территории Донецкой области займет, по крайней мере, еще несколько месяцев <...> Жители гор ежедневно страдают от вражеских **обстрелов**, оккупанты выравнивают населенные пункты при помощи артиллерии и авиации.*

Наиболее ожесточенные в Тошкивке и Золотом, **орки** (сленговое обозначение российских войск) намеренно бродят по многоэтажкам»)» (Яндекс. Перевод, 12.11.2022) (D. Sabbagh. Russian forces now control more than two-thirds of Sievierodonetsk // The Guardian, 2022.06.01).

Вышеупомянутый текст определяет образ врага, репрезентируемого «российскими войсками ("Russian forces")», по двум базовым критериям: во-первых, как оккупанта, осуществляющего акт **capturing** «захват» и, во-вторых, как убийцу, реализующего акт **shelling** «обстрел». Представленные оценочные компоненты рассматриваемого объекта дополняет метафорическая единица **orc** «орк», обозначающая «фантастическое существо, подобное очень страшному человеку, склонному к насилию, который описан в книгах Д. Р. Р. Толкин ("an imaginary creature like a very ugly, violent human, that is described in books by J.R.R. Tolkien")» [25]. Сравниваемый феномен подчеркивает насильственный характер анализируемого образа.

«Ukrainian President Volodymyr Zelensky has long called on the international community to make the declaration, always referring to Russia as a "terrorist state" himself.

He said on Wednesday: "The terrorist state continues to fight against civilians and civilian objects"» ("Украинский президент Владимир Зеленский уже давно призывает международное сообщество сделать такое заявление, всегда сам называет Россию "террористическим государством". В среду он заявил: "Террористическое государство продолжает воевать против гражданского населения и гражданских объектов")» (Яндекс. Перевод, 28.11.2022) (A. S. Santolo. Putin officially isolated as EU votes to brand Russia 's state sponsor of terrorism // Express, 2022.11.24).

Представленный выше текст отмечает террористическую черту враждебного образа (относящегося к «России»), который склонен воевать против «гражданского» населения.

«An anti-Putin activist also appeared to confirm reports of marauding armed gangs of drafted convicts in Russia <...> Now the lads have something to go torob citizens and banks ("По-видимому, антипутинский активист также подтвердил сообщения о **мародерстве** вооруженных банд, призванных из среды зеков в России <...> Теперь ребятам есть куда идти, чтобы **грабить** граждан и банки")» (Яндекс. Перевод, 11.01.2023) (J. Varga. Hammer blow to Putin as drafted convicts quit army to go on armed crime sprees // Express, 2022.10.17).

Здесь враждебные образы репрезентируют «Путин» (президент России) и «банды зеков» из России. Их форма поведения, определяемая словом **marauding** «**мародерство**», расценивается с правовой точки зрения, которая указывает на акт **torob** «грабить».

Стоит также рассмотреть ряд других оценочных компонентов феномена «враг», обнаруженных в британских медийных источниках.

«It is no secret that Russia wants to oppose the West. To them, the West is an evil entity that spreads propaganda and manipulates the world, while Russia and its allies are a force of good seeking to defend itself. Another "secret" is Russia's talent for conspiracy theories and Russia-centrism. That is, they believe that actions are being directed against Russia. There is some truth in this as evidenced by foreign companies' reactions to the current war, but this mentality was not prompted by today's state of affairs ("Не секрет в том, что Россия хочет противостоять Западу. Для них Запад – это сущность зла, которая распространяет пропаганду и манипулирует миром, в то время как Россия и ее союзники

– это сила, ищущая добро для самозащиты. Еще один секрет – это талант России к теориям **заговора** и **русоцентризму**. То есть, они полагают, что действия направлены против России. В этом есть некоторая истина, о чем свидетельствуют реакции зарубежных компаний на нынешнюю войну. Но это умонастроение не было обусловлено современным положением дел»)» (Яндекс. Перевод, 22.05.2023) (L. K. Breitig. Ukrainian war dictionary or why Russians are called orcs // The Happy Beavers, 2023.05.22).

Данный пример описывает образ представляемого типа (в роли «России») по нижеследующим критериям: применяемому акту **conspiracy** «**заговор**» и эмоциональной оценке **centrism** «**центризм**», проявляемой информатором. Первое названное значение определяет выражаемую форму поведения по таким специфическим компонентам, как: «секретность ("secretly planning")», «противозаконное ("illegal")»: «деятельность, осуществляющая секретное планирование чего-либо плохого или противозаконного по отношению к другим людям ("the activity of secretly planning with other people to do something bad or illegal")» [25]. Вторая отмечаемая черта подчеркивает сосредоточение рассматриваемого образа на «самозащите ("to defend itself")».

«The package is called Russkiy Mir, or Russian World, which has become a byword for the propaganda Russia seeks to spread outside its borders, focusing on its imperial greatness and the outside enemies determined to destroy it, namely the west.

Ukrainian analysts say the move is part of Moscow's attempts to cut off the occupied population from Ukraine and create an information "ghetto". It is just under a year since millions of Ukrainians started living under Russian occupation ("Пакет называется «Русский мир», ставший синонимом пропаганды, которую Россия стремится распространить за пределами своих границ, сосредоточившись на своем имперском величии и внешних врагах, решивших уничтожить ее, а именно на Западе. Украинские аналитики говорят, что этот шаг является частью попыток Москвы отрезать оккупированное население от Украины и создать информационное «гетто». Прошло чуть меньше года с тех пор, как миллионы украинцев начали жить под российской оккупацией»)» (Яндекс. Перевод, 20.02.2023) (I. Koshiw. Russia accused of trying to use TV to create Ukraine 'digital ghetto' // The Guardian, 2023.02.17).

Вышеупомянутый текст отмечает склонность к диктаторству у анализируемого образного типа, представляемого «Россией», на которую указывают следующие намерения, направленные на утверждение своего геополитического влияния и борьбу с противниками, этому препятствующими:

focusing on its imperial greatness and the outside enemies determined to destroy it

«**сосредоточение на своем имперском величии и внешних врагах, решивших уничтожить ее**». Данные намерения реализуют такие акты, как: **spreading propaganda outside its borders** «**распространение пропаганды за пределами своих границ**», предполагающее расширение информационного влияния, и **creating an information "ghetto"** «**создание информационного «гетто»**». Второй названный акт нацелен на установление российским правительством (обозначаемым лексемой «Москва») информационной изоляции для оккупированного населения Украины. Здесь враждебность описываемой формы поведения подчеркивает дополнительно отмечаемый акт «оккупация ("occupation")».

«Haunting video shows a town devastated by the Russian offensive where Ukrainians resist in desperate house-to-house battle.

The mercenaries have been thrown into mass attacks and have suffered enormous

*casualties in the "meat grinder" battlefield, a year after the Russian invasion. Meanwhile the outnumbered Ukrainians are being **pounded** in the town, much of which now resembles an apocalyptic wasteland'* ("Захватывающее видео показывает город, **опустошенный** российским наступлением, где украинцы сопротивляются в отчаянной битве по домам. Наемники подверглись массовым **атакам** и понесли огромные потери на поле боя «мясорубки» спустя год после российского вторжения. Тем временем в городе, большая часть которого напоминает теперь апокалиптическую пустошь, **бьют** превосходящих по численности украинцев")» (Яндекс. Перевод, 28.02.2023) (T. Tahir. Horror of war // The Sun, 2023.02.26).

Представленный текст описывает исследуемый нами образный тип по реализуемому акту «наступление ("the offensive")», который дополняют ряд других актов, такие как: физическое уничтожение (выражаемое лексемой **devasted** «**опустошенный**» целевого объекта, вторжение (представляемое в форме **attack** «**атака**» и подчеркивающий насильственное воздействие (обозначаемое словом **pounding** «**бьют**» на другого.

*«The Russian **despot**, 70, is also **seething** over recent Ukrainian drone strikes that have targeted areas in southern and western Russia, forcing authorities to close the airspace over St Petersburg.*

*Putin, who blamed his defence and security chiefs for failing to protect him, was left so **furious** over the drone strikes and the leaks about his life with Kabaeva that a doctor had to be called, it has been claimed* ("Российский **деспот** семидесяти лет также **негодует** насчет недавних ударов украинских беспилотников, которые были нацелены на территории южной и западной России, вынуждая власти закрыть воздушное пространство над Санкт-Петербургом. Путин, который обвинял своих руководителей обороны и безопасности в неспособности защитить его, был настолько **разгневан** ударами беспилотников и утечкой информации о его жизни с Кабаевой, что пришлось вызвать врача, как утверждается")» (Яндекс. Перевод, 05.03.2023) (W. Stewart. Putin 'is more furious than ever' over leaks claiming he lives in luxury mansion with his gymnast lover and recent Ukrainian drone strikes, claim insiders // The Daily Mail, 2023.03.02).

Данный текст отмечает нижеследующие черты у описываемого образа («Путина»): **despot** «**деспот**», **seething** «**негодующий**», **furious** «**разгневанный**». Первая названная черта подчеркивает склонность к насилию у рассматриваемого объекта, которую определяют такие характерные компоненты, как: «влиятельный ("powerful")», «обращается жестоко ("treat cruelly)»: «очень влиятельный человек, особенно, тот, кто обращается с людьми жестоко ("a very powerful person, especially someone who treats people cruelly")» (Яндекс. Перевод, 05.03.2023) ^[25]. Вторая и третья описательные черты проявляют усиленное враждебное состояние.

Обсуждение

Выделенные языковые единицы позволили нам разделить фреймовую структуру «враг», наблюдаемую в медиапространстве рассматриваемых лингвокультур, на ряд субфреймов, определяющих исследуемый феномен по двум основополагающим факторам, таким как: базовые (проявляющие намерение и акт) и дополнительные. Последние подчеркивают определенный способ оценки описываемых актов, включая правовой, моральный, эмоциональный или идеологический критерии.

Обнаруженные субфреймы содержат в себе характерные слот-компоненты, определяемые собственными терминалами, которые выражают исследованные языковые единицы. Подробно фреймовые структуры «враг», описанные в российском и британском

медиадискурсах, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Фреймовые структуры, составляющие феномен «враг» в российском и британском медиадискурсах

Таблица 1. Фреймовые структуры, составляющие феномен «враг» в российском и британском медиадискурсах	Российский медиадискурс		Британский медиадискурс	
Субфрейм	Слот	Терминал	Слот	Терминал
Намерение	1) утверждающий диктаторство; 2) дискредитирующий другого	(ориентированный на) безоглядное расширение лишаящий (враждебное государство) исторической памяти и традиций	Утверждающий диктаторство	сосредоточен на своем имперском величии и внешних решивши его уничтожить
Акт	1) вмешивающийся во внутренние дела другого; 2) лишаящий другого свойственных ему ценностей; 3) уничтожающий другого; 4) вторгающийся на чужую территорию; 5) осуществляющий	нагнетающий напряженность (в целевом регионе) запрещающий русский язык; переписывающий историю; отменяющий празднование 9 мая убивающий; обстреливающий;	1) расширяющий информационное влияние; 2) устанавливающий информационную изоляцию 3) уничтожающий другого; 4) вторгающийся на чужую территорию; 5) осуществляющий	распространяющий пропаганду за пределами своих границ создающий информационные «гетто» убивающий; обстреливающий; опустошающий оккупантов

	теракт; 6) подчеркивающий насильственное воздействие на другого; 7) проявляющий предательство в отношении другого	сжигающий оккупант; проникший на приграничную территорию; захвативший; атакующий; террористы, открывшие огонь по гражданским лицам мучащий; сажающий (в тюрьму); возлагающий санкции отвернувшийся; отказавшийся; рвущий связи; кинувший	теракт; 6) подчеркивающий насильственное воздействие на другого	захватив атакующ террорист государст воююще гражданс населени гражданс объектов грабящий бьющий
Правовой критерий, оценивающий враждебный акт	нарушающий закон	растоптавший, обесценивший принципы ОБСЕ; совершающий преступление; нелигитимность	нарушающий закон	мародерс щий; (осущест Заговор
Моральный критерий, оценивающий враждебный	1) проявляющий обман; 2) не соблюдающий правило	играющий на жизни людей «краплеными		

акт	социального взаимодействия	картами», (склонный) ко лжи; беспринципность		
Идеологический критерий, оценивающий враждебный акт	Придерживающийся враждебной идеологии	(поддерживающий) бандеровскую идеологию; неонацист; предатель		
Эмоциональный критерий, оценивающий враждебный акт	1) проявляющий недостаточность разума; 2) проявляющий Соблазн	Бросившийся с остервенением рвать связи, как потерявший голову наркоман-мазохист; (выражающий) сладкие заверения	1) сосредоточенный на самозащите; 2) проявляющий враждебное состояние; 3) подчеркивающий склонность к насилию	центризм негодую разгнева орк; деспот

Согласно полученным данным, в основе намерения врага, представляемого как российскими, так и британскими медиасредствами, лежит склонность к диктаторству, ориентируемому на утверждение геополитического контроля. Так, один из использованных российских текстов описывает названную черту (определяющую НАТО) словосочетанием **безоглядное расширение**, которое, в частности, предполагает акт вмешательства во внутренние дела другого: **нагнетающий напряженность**. Один из исследованных британских текстов отмечает нижеследующие единицы, описывающие диктаторскую позицию врага (рассматриваемого в роли России): **сосредоточенный на своем имперском величии и внешних врагах, решивших его уничтожить**. Данные намерения, которые нацелены на расширение информационного влияния и борьбу с противниками, этому препятствующими, реализуют такие акты, как: **распространяющий пропаганду за пределами своих границ и создающий информационное гетто**.

Наблюдения показывают, что российский медиадискурс отмечает дополнительные намерения врага (представляемого Украиной), нацеленного на дискредитацию враждебного государства (России): **лишающий исторической памяти и традиций**. Подобные намерения реализуются за счет нижеследующих актов, ориентированных на запрет в распространении ценностей, свойственных противнику: **запрещающий русский язык, переписывающий историю, отменяющий празднование 9 мая**.

Ряд других враждебных актов, обнаруженных в двух анализируемых лингвокультурах, проявляет следующие значения: во-первых, физическое уничтожение другого: **убивающий** (включая процессы **обстрела**, наблюдаемые в российском и британском медиадискурсах, **сжигания**, отмечаемый в российском тексте), **опустошающий** (выделяемый британским медийным источником); во-вторых, вторжение на чужую территорию: **оккупант** (описываемый словосочетанием **проникший на приграничную территорию** в российском тексте или лексемами **захвативший**, **атакующий** в медийных текстах обеих лингвокультур) и, в-третьих, террористический акт, выражаемый как нападение на «гражданское» население при помощи таких единиц, как: **террористы**, **открывшие огонь по гражданским лицам** в российском и **террористическое государство**, **воюющее против гражданского населения и гражданских объектов** в британском медийных источниках.

Субъектами вышеупомянутых форм поведения российский медиадискурс представляет следующие образы: во-первых, правительство Украины, придерживающееся враждебных идеологий (**бандеровской** и **неонацистской**), которое осуществляет акты физического уничтожения идеологических противников, включая русских, а также террористический акт на территории России, и, во-вторых, украинские войска, вторгающиеся на российскую территорию.

При этом британские медиасредства подчеркивают либо враждебное государство в целом, либо его войска в роли субъектов описываемых актов: **террористическое государство** (в отношении России), «российские войска», осуществляющие акты **захвата**, **атаки**, **обстрела**, **опустошения** среди населения Украины.

Необходимо также выделить нижеследующие акты, наблюдаемые в исследованных лингвокультурах, которые подчеркивают насильственное воздействие на другого, например: применяющие физическую силу (**мучащий**, обнаруженный в российском тексте, или **бьющий**, упомянутый в британском тексте). Ряд других актов рассматриваемого значения представляют следующие: **сажающий** (в тюрьму), предполагающий «лишение другого личной свободы» [\[24\]](#), или **возлагающий санкции**, ограничивающий деятельность другого (в российском медиадискурсе) и **грабящий** (в британском источнике). Последний предполагает «насильственное» лишение другого его собственности: «украсть что-либо у кого-то или где-то, часто применяя силу ("to steal something from someone or somewhere, often using violence")» (Яндекс. Перевод, 06.03.2023) [\[25\]](#).

В добавление, один из исследованных российских текстов отмечает ряд актов, проявляющих предательство в отношении другого, которое выражают следующие лексемы, подчеркивающие нарушение союзнических взаимоотношений: **отвернувшийся**, **отказавшийся**, **рвущий связи** (описывающие действия Украины к России) и **кинувший** (проявляющая действие Европы к Украине).

Правовой критерий, оценивающий враждебный акт в рассматриваемых лингвокультурах, подчеркивает склонность к нарушению закона, на которую указывают нижеследующие описательные единицы: **растоптавший**, **обесценивший принципы ОБСЕ**; **совершающий преступление**; **нелигитимность** в российских и **мародерствующий**, осуществляющий **заговор** в британских медийных источниках. Словосочетание **растоптавший, обесценивший принципы ОБСЕ** определяет один из ранее упомянутых актов «нагнетающий напряженность», осуществляемый НАТО в отношении региона Южно-Китайского моря, который нарушает условия мирного взаимодействия. Другие вышеупомянутые лексемы **преступление**, **нелигитимность** описывают такие выделенные

нами акты, как: «террористический акт», реализуемый правительством Украины, и «санкция», применяемый рядом государств по отношению к России. В свою очередь, языковые единицы **мародерствующий**, **заговор**, отмечаемые британским медиадискурсом, определяют следующие исследованные нами акты: «ограбление», осуществляемый российскими войсками на оккупированной территории Украины, и внешнюю политику России в целом: «талант к теории заговора».

Помимо правового критерия, один из применяемых российских примеров расценивает враждебное поведение представляемых образов (НАТО и США) с моральной точки зрения, которую выражают такие языковые единицы, как: **играющий на жизни людей краплеными картами**, **ложь** (проявляющие обман), **беспринципность** (не соблюдающая правило социального взаимодействия).

Эмоциональный критерий, оценивающий враждебный акт как в российском, так и в британском медиадискурсах, главным образом, выражает личную оценку информатора к упоминаемому объекту. Так, словосочетание **кинувшийся с остервенением рвать связи как потерявший голову наркоман-мазохист**, отмечаемое российским текстом, характеризует анализируемую форму поведения (проявляемую Украиной к России) как поспешную (не учитывающую возможные последствия). Применяемые экспрессивные единицы, такие как: **кинувшийся, с остервенением**, включая сравниваемый объект **наркоман-мазохист**, описываемый по склонности **терять голову**, расценивают реализуемый акт по ментальному состоянию субъекта, проявляющему недостаточность разума. Другое выделенное словосочетание **сладкие заверения** (описывающее поведение Европы к Украине) указывает на проявление соблазна, ориентируемого на обман, в основе выражаемого акта. Описательные единицы, проявляющие эмоциональную оценку в исследованных медийных текстах Великобритании, определяют образ врага по нижеследующим компонентам: склонности к **центризму** (указывающему на ментальное состояние, сосредоточенное на самозащите), **негодующий**, **разгневанный** (усиливающие враждебное эмоциональное состояние), **орк**, **деспот** (подчеркивающие склонность к насилию у анализируемого образного типа). Названные оценочные черты описывают такие объекты, как: государство (Россию), президента (Путина), российские войска.

Идеологический критерий, наблюдаемый в ряде российских текстов, определяет феномен «враг» с точки зрения национализма, в основе которого лежат нижеследующие понятия: **бандеровщина** или **неонацизм**. Описываемые компоненты характеризуют политику представляемых государств (таких как – Украина и страны Балтии), нацеленную на независимое существование от своего союзника (России). При этом приверженцы рассматриваемых идеологий расцениваются как **предатели**.

В таблице 2 представлен сравнительный анализ слот-компонентов, составляющих фреймовую структуру «враг» в российском и британском медиадискурсах.

Таблица 2. Слот компоненты фреймовой структуры «враг» в российском и британском медиадискурсах

Субфрейм	Российский медиадискурс	Британский медиадискурс
Намерение	1) утверждающий диктаторство; 2) дискредитирующий	утверждающий диктаторство

	другого	
Акт	<p>1) вмешивающийся во внутренние дела другого;</p> <p>2) лишаящий другого свойственных ему ценностей;</p> <p>3) уничтожающий другого;</p> <p>4) вторгающийся на чужую территорию;</p> <p>5) осуществляющий теракт;</p> <p>6) подчеркивающий насильственное воздействие на другого;</p> <p>7) проявляющий предательство в отношении другого</p>	<p>1) расширяющий информационное влияние;</p> <p>2) устанавливающий информационную изоляцию;</p> <p>3) уничтожающий другого;</p> <p>4) вторгающийся на чужую территорию;</p> <p>5) осуществляющий теракт;</p> <p>6) подчеркивающий насильственное воздействие на другого</p>
Правовой критерий, оценивающий враждебный акт	<p>нарушающий закон</p>	<p>нарушающий закон</p>
Моральный критерий, оценивающий враждебный акт	<p>1) проявляющий обман;</p> <p>2) не соблюдающий правило социального взаимодействия</p>	

идеологический критерий, оценивающий враждебный акт	придерживающийся враждебной идеологии	
Эмоциональный критерий, оценивающий враждебный акт	1) проявляющий недостаточность разума; 2) проявляющий соблазн	1) сосредоточенный на самозащите; 2) проявляющий враждебное эмоциональное состояние; 3) подчеркивающий склонность к насилию

Выводы

Сравнительный анализ исследованных результатов показал ряд общих и специфических компонентов, описывающих образ врага в медийных пространствах России и Великобритании. Первые составляют следующие слот-компоненты, определяющие изучаемый феномен в обеих лингвокультурах: «диктатор», «оккупант», «террорист», «уничтожитель». В добавление, фреймовая структура «враг» двух рассматриваемых лингвокультур включает в себя другие акты, подчеркивающие насильственное воздействие на другого, такие как: применяющий физическую силу (отмечаемый как российскими, так и британскими медиасредствами), лишаящий другого его личной свободы или ограничивающий деятельность другого (выделяемые в российском медиадискурсе) и насильственно лишаящий другого его собственности (обнаруженный в британском тексте).

С правовой точки зрения, и российские, и британские медиасредства расценивают образ врага как нарушающий закон с причинением ущерба последствия, например: нападение на гражданское население (при реализации «террористического акта», отмечаемого представителями обеих лингвокультур); нарушение мирного взаимодействия (при осуществлении акта «нагнетающего напряженность»), нанесение ущерба мировой экономике (в результате применения акта «санкция») (выделяемые российскими медиасредствами); ограбление гражданского населения (описываемое лексемой «мародерство»), причинение вреда или совершение противозаконного действия в отношении другого (осуществляемые актом «заговор») (отмечаемые в британском медиадискурсе).

В добавление, один из исследованных российских источников проявляет моральный критерий, оценивающий враждебный образ по таким слот-компонентам, как: проявляющий обман, не соблюдающий правило социального взаимодействия.

Стоит также подчеркнуть, что один из ранее упомянутых компонентов «диктатор»

определяют разные акты, описываемые представителями двух анализируемых лингвокультур, а именно: предполагающий вмешательство во внутренние дела другого (обнаруженный в российском медийном тексте) и расширяющий информационное влияние при установлении информационной изоляции для другого (представленные британской медиасредой).

При рассмотрении других специфических компонентов феномена «враг», выделенных в каждой из исследованных лингвокультур, необходимо отметить такие оценочные формы, выражаемые британской медиасредой в отношении описываемого образного типа, как: сосредоточенный на самозащите, проявляющий враждебное эмоциональное состояние, склонный к насилию. Российские медиасредства отмечают нижеследующие дополнительные черты изучаемого феномена: дискредитирующий другого (лишающий его свойственных ценностей); придерживающийся враждебной идеологии; проявляющий предательство, недостаточность разума, соблазн.

Таким образом, представители британской лингвокультуры расценивают образ врага по таким базовым чертам, как: склонный к диктаторству, борьбе и причинению ущерба другому. При этом русские выражают большее количество оценок исследуемого образа, включая следующие: склонный к обману, нарушающий союзнические, а также мирные взаимоотношения. Первую названную черту определяют такие выделенные нами компоненты, как: нечестный поступок, искажение истины, соблазн. Вторая и третья оценочные формы проявляют нижеследующие компоненты: предательство, дискредитацию другого, придерживание враждебной идеологии, нарушение правила социального взаимодействия или условия мирного взаимоотношения.

Исследованные результаты позволяют подчеркнуть следующие основные ценности, соблюдаемые представителями русской лингвокультуры во взаимоотношениях с другими: честность и кооперативное взаимодействие. При этом ответственность за нарушение подобных условий часто возлагают на конкретный субъект, представляемый государством, правительством, организацией и т.д. В свою очередь, в процессе моделирования враждебного образа, представители британской лингвокультуры чаще указывают на такие свойственные ему компоненты, как: состояние враждебности, склонность к насилию и ущербное последствие, причиняемое анализируемым объектом.

Отметим, что главным объектом описываемого образного типа британские медиасредства представляют определенное государство, включающее своего президента, правительство и войска. В свою очередь, использованные нами российские медийные источники определяют образ врага в более широком диапазоне, включающем международную организацию (такую как, НАТО или Евросоюз), регион (например, Европу), идеологически враждебную группу людей, к которой может относиться определенная организация (например, бойцы подразделения СС) или правительство враждебного государства. Типы враждебного образа, наблюдаемые в сравниваемых лингвокультурах, проявляют такие факторы, формирующие национальный образ врага в сознании их представителей, как: идеологические особенности, а также формы взаимоотношений описываемых лингвокультур с другими.

Библиография

1. Козырев Г. И. Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 52-58.
2. Keen S. Faces of the enemy: reflections of the hostile imagination, San Francisco: Harper & Row, 1988.

3. Fiebig-Von Hase R. Introduction // *Enemy images in American history* / Ed. by R. Fiebig-Von Hase, U. Lehmkuhl. New York: Berghahn Books, 1997. Pp. 1-42.
4. Spillmann K. R., Spillmann K. Some sociobiological and psychological aspects of 'images of the enemy' // *Enemy images in American history* / Ed. by R. Fiebig-Von Hase, U. Lehmkuhl. New York: Berghahn Books, 1997. Pp. 43-64.
5. Rodriguez R. Forgiveness as part of the rehumanization process // *Peace Review*. 2000. No. 12(2). Pp. 325-328.
6. Ottosen R. Enemy images and the journalistic process // *Journal of Peace Research*. 1995. No. 32(1). Pp. 97-112. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0022343395032001008> (Режим доступа: 12.12.2023).
7. Кузьминская С. И. Образ врага в современной политической мифологии // *Вестник Воронежского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2016. № 3. С. 49-52.
8. Затуливетров Е. В. Функции СМИ в современном обществе. СМИ как средство информационной войны // *Студенческий научный форум – 2017: Материалы IX Международной студенческой научной конференции, Москва, 1-3 июня 2017 года* / Под ред. М. Н. Бизенковой. – М.: Академия Естествознания, 2017. URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/20170363?ysclid=Ihwcinai2u779871983> (Режим доступа: 08.11.2023).
9. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума. Под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.
10. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: ИД ТГУ, 2014.
11. Белобрагин В. Я., Белобрагин В. В. Некоторые вопросы формирования имиджологии как науки // *Имиджология – 2004: Состояние, направления, проблемы: Материалы II Международного симпозиума по имиджологии, Москва, 26 марта 2004 года* / Под ред. Е. А. Петровой. – М.: РИЦ АИМ, 2004. URL: <https://studfile.net/preview/9698731> (Режим доступа: 01.11.2023).
12. Зелянская Н. Л. Медиаобраз политика: Интернет-сообщество как агент политической реальности // *Политическая лингвистика*. 2014. № 50. С. 120-126.
13. Калинин О. И. К вопросу о дефиниции понятия «Имиджевый политический медиатекст» // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2015. № 3-2. С. 193-198. <https://doi.org/10.18323/2073-5073-2015-3-193-198>.
14. Уракова В. А. К проблеме исследования медиаобраза политического лилера // *Вестник экономики, права и социологии*. 2016. № 3. С. 181-184. URL: <http://dx.doi.org/10.24412/FhM190ayoY8> (Режим доступа: 08.11.2023).
15. Hochunskaya L. V. The phenomenon of media image: social and psychological aspect // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2013. № 2. С. 91-95.
16. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008.
17. Beller M. Perception, image, imagology // *Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters – a critical survey* / Ed. by M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi, 2007. Pp. 11-12.
18. Ланцевская Н. Ю. Медиаобраз территории как комплекс стереотипов брендинга места // *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2015. № 4(28). С. 101-103. URL: <https://doi:10.17223/1999-6241.2015.4.101-103>.
19. Fillmore C. J., Baker C. F. Frame semantics for text understanding // *Proceedings of WordNet and Other Lexical Resources Workshop, 2001, June* Режим доступа: 08.11.2023 2-3, NAAL, 2001. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Frame-semantics-for-text-understanding-Fillmore-Baker/72cc80486744320d5b9a2ea75e3fb1cde4ca669c> (Режим

доступа: 08.11.2023).

20. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. М.: Истоки, 2003.
21. Кулаков Ф. М. Приложение к русскому изданию // Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума. Под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. с. 7.
22. Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2011. № 2. С. 11-17.
23. Антонова Л. В. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: Дом славянской книги. 2017. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004834887> (Режим доступа: 24.06.2024)
24. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: Астрель. 2006. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/search?s=sankciya> (Режим доступа: 24.06.2024).
25. Cambridge English Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press and Assessment, 2020. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/?ysclid=m4s64kjygzg463282777> (Режим доступа: 28.06.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена репрезентации фрейма «враг» в современных медиадискурсах России и Великобритании. Под фреймом понимается «набор структурированных знаний, накопленных представителями лингвокультуры об определенном объекте реальности, который обозначается словом». Актуальность данной работы не вызывает сомнения и обусловлена растущим интересом научного сообщества к медиадискурсу как объекту лингвистики и межкультурной коммуникации, а также к теме «враг»: «образ врага используется медиасредой как одно из ключевых средств для защиты интересов (или утверждения идей) одних социальных групп или государств в ущерб другим среди широкого круга аудитории»; «реализация образа врага медиасредствами нацелена на инициирование чувства враждебности у реципиента (выступающего в роли зрителя, слушателя или читателя), которое вызвано осознанием опасности от анализируемого объекта».

Теоретической основой исследования явились работы таких российских и зарубежных ученых, как З. Д. Попова, И. А. Стернин, Н. Н. Болдырев, Т. Г. Добросклонская, Н. Л. Зелянская, М. Минский, Е. В. Затуливетров, Г. И. Козырев, Л. В. Хочунская, К. Р. Spillmann, R. Ottosen, С. J. Fillmore, С. F. Baker и др. Библиография насчитывает 25 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует заметить, что автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Материалы исследования включали в себя фрагменты статей из российских («Дзен», «Газета», «Известия», «Коммерсант», «Жизнь», «Ведомости») и британских («Express», «The Daily Mail», «The Guardian», «The Happy Beavers», «The Sun») медийных источников за период 2022–2023 гг.; дефиниции толковых словарей (Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой (2006), Большой фразеологический словарь русского языка Л. В. Антоновой (2017) и Cambridge English Dictionary (2020)).

Методология исследования определена поставленной целью («описать и сравнить фреймовую структуру, составляющую феномен «враг» в русской и британской лингвокультурах, на материале медийных текстов») и носит комплексный характер: применяются методы сплошной выборки, концептуального анализа, классификации и систематизации, а также сравнительно-сопоставительный метод. Метод сплошной выборки предполагал отбор примеров, выражающих исследуемый образ, из использованных медийных текстов. Концептуальный анализ был нацелен на идентификацию языковых единиц, описывающих феномен «враг» в российских и британских медийных дискурсах. Метод классификации и систематизации анализируемых единиц позволил разделить определяемый феномен на ряд субфреймов, которые указывают на две группы факторов, обуславливающих значения слова «враг»: базовые (проявляющие намерение и акт) и дополнительные факторы, подчеркивающие определенный способ оценки враждебного акта. К числу последних относятся правовой, моральный, эмоциональный или идеологический критерии. Сравнительно-сопоставительный метод позволил выделить ряд общих (оцениваемых представителями двух изучаемых лингвокультур) и специфических (проявляющих оценку представителей одной из сравниваемых лингвокультур) значений описываемого феномена.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования автор(ы) представили общие теоретические подходы к определению медиаобраза и фреймовый подход к изучению образа, обобщили полученные результаты в таблицах «Фреймовые структуры, составляющие феномен «враг» в российском и британском медиадискурсах» и «Слот компоненты фреймовой структуры «враг» в российском и британском медиадискурсах». Сравнительный анализ исследованных результатов показал ряд общих и специфических компонентов, описывающих образ врага в медийных пространствах России и Великобритании. Сделаны выводы о том, что «представители британской лингвокультуры расценивают образ врага по таким базовым чертам, как: склонный к диктаторству, борьбе и причинению ущерба другому. При этом русские выражают большее количество оценок исследуемого образа, включая следующие: склонный к обману, нарушающий союзнические, а также мирные взаимоотношения».

Теоретическая и практическая значимость работы обусловлена ее вкладом в изучение медиалингвистики и представленным системным описанием значений феномена «враг», основанным на сравнительном анализе оценочных компонентов, применяемых медиасредствами двух изучаемых лингвокультур при моделировании данного фрейма, а также в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Обращаем внимание автора(ов), что в тексте встречаются т.н. «склеенные» слова (см «являетсяодним из самых распространенных предметов коммуникации», «вусловиях конфликта», «определяютпонятие «враг»).

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна и будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».